

КОМПЛЕКСНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ШЕСТОДНЕВА: ОЧЕРТАНИЯ КОНЦЕПЦИИ

Священник Илья Неклюдов

старший преподаватель
РО ДПОО «Центр подготовки церковных специалистов
Волгоградской епархии Русской Православной Церкви»
400012, Волгоград, ул. Чапаева, д. 26
ilyaneck@mail.ru

Для цитирования: Неклюдов И., *свящ.* Комплексная герменевтика Шестоднева: очертание концепции // Библейские схолии. 2024. № 1 (6). С. 54–65. DOI: 10.31802/BSCH.2024.6.1.004

Аннотация

УДК 801.733

Одной из актуальных задач современной богословской науки является разработка вопросов богословского осмысления творения мира и человека, а также соотношения веры и знания. Важным этапом в решении означенной задачи становится формулировка комплексного подхода к осмыслению библейского повествования о Творении мира, в рамках которого была бы возможна систематизация и гармонизация святоотеческого опыта экзегезы Быт. 1 — 2, а также решение актуальных задач естественнонаучной апологетики. В настоящей статье обозначаются ключевые предпосылки к формированию комплексной герменевтической модели, которую можно было бы рассматривать в качестве единой парадигмы интерпретации Шестоднева. Автор формулирует группы проблем богословской экзегезы Шестоднева и предлагает пути их решения в рамках комплексной герменевтики, в основу которой положен принцип восприятия сакрального текста как «словесной иконы», содержащей в себе сумму разноплановых смыслов — нравственного, литургического, типологического, анаagogического — требующих соответствующей интерпретации. В качестве методологической основы иконологической экзегезы полагается принцип дополнительности Нильса Бора как универсального эпистемологического подхода, позволяющего непротиворечиво сочетать в рамках одной гносеологической системы различные, даже взаимоисключающие понятия, которые в совокупности могут дать наиболее полное представление об исследуемом объекте. На основе дополнительнойности возможно сочетать догматически-адекватное прочтение Шестоднева и его осмысление в контексте естественнонаучных данных, избегая при этом ущербной крайности отождествления библейской космогонии и отдельно взятой космологической гипотезы.

Ключевые слова: Шестоднев, богословие Творения, экзегетика, герменевтика, естественнонаучная апологетика, гносеология, принцип дополнительности, типология, анагогика, метаистория, иконологическая экзегеза.

Complex Hermeneutics of the Hexameron: Outline of the Concept

Priest Ilya Neklyudov

Senior teacher of the Educational center for Church Specialists of the Volgograd Diocese of the Russian Orthodox Church
Chapaeva st. 26, Volgograd, 400012 Russia
ilyaneck@mail.ru

For citation: Neklyudov, Ilya, priest. "Complex Hermeneutics of the Hexameron: Outline of the Concept". *Biblical scholia*, No 1 (6), 2024, pp. 54–65 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2024.6.1.004

Abstract. One of the urgent tasks of modern theological science is to develop issues of theological understanding of the creation of the world and man, as well as the relationship of faith and knowledge. An important step in solving this problem is the formulation of an integrated approach to understanding the biblical narrative about the Creation of the world, within which it would be possible to systematize and harmonize the patristic experience of exegesis Gen. 1 – 2, as well as solving urgent problems of natural science apologetics. This article identifies the key prerequisites for the formation of a complex hermeneutic model, which could be considered as a single paradigm of interpretation of the Hexameron. The author formulates groups of problems of Hexameron theological exegesis and suggests ways to solve them within the framework of complex hermeneutics, which is based on the principle of perception of the sacred text as a «verbal icon» containing a sum of diverse meanings – moral, liturgical, typological, anagogic – requiring appropriate interpretation. The methodological basis of iconological exegesis is based on the principle of complementarity of Niels Bohr as a universal epistemological approach that allows to consistently combine various, even mutually exclusive concepts within one epistemological system, both of them can give the most complete idea of the object under study. On the basis of complementarity, it is possible to combine a dogmatic perception of the Hexameron and its understanding in the context of natural science data, while avoiding the flawed extreme of identifying biblical cosmogony and a science cosmological hypothesis.

Key words: Hexameron, theology of Creation, exegetics, hermeneutics, natural science apologetics, epistemology, the complementarity principle, typology, anagogy, metahistory, iconological exegesis.

Необходимость соединения различных толковательных подходов к осмыслению Шестоднева в единую систему назрела в православном экзегетическом богословии приблизительно ко второй половине XIX столетия. В это время стремительного развития естествознания, православное учение о происхождении мира стало особо подвергаться критике со стороны доминирующей в научном мировоззрении философии позитивизма. Тогда же были предприняты первые попытки выявления той общей, фундаментальной линии экзегезы, которая проходила бы через весь святоотеческий опыт осмысления библейской истории миротворения. Одновременно с этим, в ряде трудов отечественных библеистов были предложены модели синтеза различных толковательных методов. Эти модели можно условно разделить на две группы:

- 1) «с оглядкой» на естественнонаучную фактологию того времени. В таких моделях «перевес» неизбежно делался в сторону хотя и умеренного, но всё же аллегорического толкования (концепции А. П. Лопухина, прот. Н. Сергиевского, Н. Н. Фиолетова и др.);
- 2) с акцентом на догматический аспект. Их предметом является, в первую очередь, богословский смысл текста, поэтому в основных своих принципах эти модели схожи между собой. К ним относятся: умеренный буквализм (свт. Феофан Затворник) и метаисторический подход свт. Филарета Московского.

Отдельную категорию составили тезисы относительно богословско-философских аспектов экзегезы Шестоднева, сформулированные в сочинениях русских религиозных мыслителей (прот. С. Булгаков, иер. П. Флоренский).

В современных условиях векторы развития экзегезы Шестоднева, обозначенные в дореволюционной библеистике, сохраняются. Соответственно этому, можно обозначить три основные группы задач, которые стоят перед богословием Творения:

- **Герменевтическая** — подразумевает необходимость систематизации святоотеческого толковательного наследия, а также определение линии богословского осмысления. В начале XX века уже наметилось явное разделение на современных нам «креационистов» и «эволюционистов». Представители этих течений, конфликтуя друг с другом, «толковали толкования», иначе говоря — трактовали святоотеческие мнения

сквозь призму собственного мировоззрения, по сути, прикрывая авторитетом Отцов Церкви личные взгляды. Например, одни и те же цитаты из «Толкования на Бытие» преп. Ефрема Сирина или из «Бесед на Шестоднев» свт. Василия Великого Прилагались в приемлемом для каждого направления ракурсе и без учёта контекста. Разумеется, при этом первоначальный богословский смысл, вложенный свв. Отцами в свои толкования, зачастую искажался. Подобные тенденции в не меньшей степени имеют место и ныне¹.

- **Апологетическая** — необходимость определить фундаментальные принципы рецепции естественнонаучных картин мира к осмыслению Шестоднева. Эти принципы должны согласовываться с научной фактологией, но при этом не противоречить основам христианского мировоззрения. Реализация таких принципов возможна на основе «диалогической» модели отношения богословского и естественнонаучного знания².
- **Богословско-философская** — необходимость актуализировать Шестоднев как философский текст, рассмотреть в рамках его осмысления ключевые онтологические категории. Ввиду того, что в научная космология неизбежно включает в себя и философский дискурс, решение задач богословско-философского осмысления способствует сознанию единой эпистемиологической среды, в которой становится возможным диалог богословия и естественных наук.

Вышеозначенные группы задач предполагают соответствующие векторы осмысления библейской истории миротворения, которые в конечном итоге должны соединиться в некую единую модель интерпретации этого многогранного священного текста. Такую модель мы обозначим как «комплексная герменевтическая модель осмысления Шестоднева». Далее постараемся обозначить теоретическую основу и общие методологические принципы комплексной герменевтики Шестоднева.

В качестве одного из теоретических принципов комплексной модели предлагается Принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором. Главная идея принципа дополнительности заключается в том, чтобы не отдавать предпочтение какому-либо отдельному наблюдению,

1 В качестве примера можно привести различные попытки рассмотрения Шестоднева в «конкордистском» или, наоборот, радикально-буквальном ракурсе.
2 Барбур И. Религия и наука: история и современность. 2001. С. 107, 118.

аспекту, стороне, свойству, а полагать, что все они необходимы как взаимодополняющие друг друга элементы, дающие максимально полное в данной познавательной ситуации описание объекта исследования³. Сам Нильс Бор не ограничивал сферу реализации идеи дополнительности только физикой, но утверждал о возможности её применения в области биологии, психологии, культурологии⁴. По сути, именно он положил начало попыткам обобщения своего принципа до общегносеологического, философского уровня⁵. Несмотря на то, что такие попытки вызывают критику ряда исследователей⁶, в современной науке складывается устойчивая тенденция к тому, чтобы считать принцип дополнительности Бора универсальным методологическим и эвристическим подходом, позволяющим гармонизировать в рамках одной гносеологической системы различные, даже взаимоисключающие понятия, которые в совокупности могут дать целостное представление об объекте. Именно такой статус принципа дополнительности всё чаще обозначается и в богословской науке. Здесь идея дополнительности может быть применена для решения целого спектра задач, связанных с поиском и выработкой общей богословской позиции по ряду вероучительно-значимых вопросов. К таковым, в частности, относятся вопросы богословского осмысления творения мира и человека, а также соотношения науки и веры.

Реализация этого принципа возможна при условии восприятия священного текста как словесной иконы, имеющей два взаимосвязанных прочтения: исторически-событийное и относящееся к реалиям Божественного Логоса. Принцип «иконности» для осмысления Писания был впервые предложен еп. Кассианом (Безобразовым) (1892–1965), и применён им для обобщения содержания четырёх Евангелий⁷. Он обратил внимание на то, что в евангельских текстах, помимо собственно исторического

- 3 Симапов А. Л. Принцип дополнительности // Методологические принципы физики: общее и особенное. Новосибирск, 1992. Цит. по: Олег Мумриков, прот. Концепции современного естествознания. С. 151.
- 4 Порус В. Н. Дополнительности принцип // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. 2000–2001. С. 691–692.
- 5 Макаров А. Б. Принцип дополнительности Н. Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 106.
- 6 Макаров А. Б. Указ. соч.; Мушич-Громыко В. Г. Дифференциация гуманитарным восприятием принципа дополнительности Н. Бора: проблема поверхностного прочтения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 33–41.
- 7 Безобразов С. С. (еп. Кассиан). Евангелисты как историки // Православная мысль. Вып. 1. 1928. С. 7–30.

повествования, содержится ещё и сумма разноплановых смыслов: сотериологического, анагогического, эсхатологического. Такая же разноплановость содержится и в православной иконописи, которая не сводится к реалистичной живописи, но вмещает, помимо основного сюжета, графические элементы, требующие особой интерпретации. В современной библеистике принцип «иконности» текста в его применении к нарративу Шестоднева был сформулирован в работах прот. Леонида Цыпина⁸ и прот. Олега Мумрикова⁹. Данный принцип, положенный в основу экзегетической процедуры, становится основой комплексной герменевтики.

Пространство и время событий, изображаемых на иконах, таинственны и двойственны: в них сочетаются изображения видимого, с символами невидимого, о которых возможно узнать лишь в результате Откровения. Как икона имеет несколько смысловых уровней, так и священный текст включает в себя своеобразные «слои» интерпретации — нравственный, богословский, философский, научный.

Таким образом Осмысление Шестоднева как богооткровенной «словесной иконы» реализует возможность многопланового, комплексного восприятия священного текста. На основе принципа дополнительности такой подход объединяет в единую систему осмысления различные понятийные сферы.

Быт. 1 и Быт. 2 представляются в качестве двух «словесных икон» — теоцентрической и антропоцентрической. В первой описан поэтапный процесс творения, во второй в центр повествования поставлен человек Адам и история его происхождения. Шестоднев становится композицией, которая отражает действия Божии в становлении тварного бытия, а также основные этапы этого процесса. О них бытописатель рассказывает с соблюдением особых правил композиции, гармонии, поэтики, актуальных для всех времен и народов. В определённых словесных формулировках Боговидец описывает процесс ниспослания в мир в Божественных энергиях умопостигаемых логосов «естества», «промышления» и «суда», которые воплощаются, обретают форму в вещах и явлениях творимого мира. Этот процесс не имеет определённых аналогий в нашей обыденности и мистичен по отношению к ней, но в некоторых

8 Цыпин Л., прот. Вселенная, Космос, Жизнь — три Дня Творения. 2008.

9 Мумриков О., прот. Концепции современного естествознания. Христианско-апологетический аспект. Сергиев Посад, 2013; Мумриков О., прот. Проблема установления consensus ratiум по вопросу о состоянии тварного мира до грехопадения человека. // Доклад на III Богословской научной конференции «Экзегетика и герменевтика Священного Писания», МДА, 29–30 ноября 2007 г.

реалиях по форме или свойствам вполне изъясним в доступных человеческому уму категориях. Особое значение в таком изъяснении представляет развитие Максимовой логологии в учении о Боговоплощении преп. Иоанна Дамаскина, а также напрямую связанное с ним учение о почитании святых икон. Так, прп. Максим учит об особом виде Божественных энергий — логосах (λόγοι), которые тесно связывают тварный мир с Творцом, охватывают собой всё бытие на всем протяжении его существования¹⁰, соединяют в себе идеи и смыслы всего существующего. Так же существует и определённая форма изображения невидимого видимым образом — через проекцию на иконографию логоса личности или явления. Такая же проекция, «схождение» логоса, происходит и на священный текст при описании Боговидцем истории миротворения. Также, как на иконе допустимо изображение сияния Фаворского света или Божественных энергий в доступных физическому зрению аналогиях, также допустимо выражение трансцендентных реалий божественного действия в определённых словесных формулировках. В этом случае изображение становится не зрительно, а ментально-доступным, однако требует правильной богословской интерпретации.

Концепция иконности переводит на принципиально иной уровень обсуждение тех вопросов, которые по сей день являются камнем преткновения для экзегетов в преодолении разногласий между разными моделями интерпретации. Так, рассуждая о продолжительности творения в рамках концепции «иконности», следует говорить о принципиально ином — не-физическом понимании «дня». Бытие Творца вневременное, поэтому любое наше представление о времени лишь как о системе измерения действительных событий, несовместимо с реальностью непреложности и постоянства Божественной природы.

Герменевтические задачи решаются в рамках преодоления видимых разночтений в понимании Отцами Церкви так называемых «деталей» Шестоднева и выявлении «consensus partum» богословской экзегезы. Методологическая основа этой процедуры полагается в рамках линии «типология — анагогика — метаистория».

Типологическое толкование в экзегетическом богословии новейшего времени понимается гораздо шире, нежели просто выявление в тексте прообразов (типосов) — мессианских или эсхатологических. Эта традиция представляет собой последовательное развитие каппадокийского толковательного синтеза, который на основе принципа

10 *Епифанович С. Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. 2011. С. 50.

дополнительности объединил в себе аллегоризм и буквализм, отбросив при этом ущербные крайности этих подходов. В дальнейшем он развился в анагогической экзегезе преп. Максима Исповедника¹¹, а в позднейшее время — в метаисторическом толковании свт. Филарета Московского¹². В результате такой «эволюционной цепочки», перед нами предстаёт чётко различимая линия преемства подходов: «типологическая традиция → анагогика → метаисторический подход», которая охватывает наибольший объём святоотеческих толкований. Эта линия преемства служит той связкой методов, в которой по-прежнему сохраняется традиционно богословское осмысление Библии. Принцип иконности прилагает к этой линии методов возможность рецепции других аспектов осмысления, сохраняя при этом приоритет богословской экзегезы.

Решение апологетических задач подразумевает, с одной стороны, адекватность толкования жизненной правде, постигаемой через научное знание, с другой — его догматическую адекватность. В данном случае речь идёт, прежде всего, о рецепции к осмыслению Шестоднева различной естественнонаучной фактологии, которая может послужить иллюстрацией священному тексту, а может, при вольном сопоставлении, привести к искажению его богословского смысла. По этой причине комплексная герменевтическая модель отрицает «конкордические» построения, свойственные интегративному апологетизму и, одновременно, настороженно относится к построениям научного креационизма, зачастую вольно интерпретирующего научные факты¹³. Богословская экзегеза подразумевает два вектора апологетики Шестоднева: разработку методологии рецепции научных данных и поиск пространства для диалога науки и веры. В первом случае, необходимо отстаивать точку зрения о невозможности проникнуть методами эмпирической науки в первозданность мира, которая отрезана от неё катастрофой грехопадения. Традиционный святоотеческий взгляд говорит об изменении и перестройку всей структуры миробытия вслед за регрессивным изменением начальствовавшего над миром человека (см. Рим. 8:19–23). Непознаваемость первозданности научными методами обуславливает обозначенную в общих принципах комплексной герменевтической модели недопустимость прямого соотнесения научных данных и священного текста. Рецепция естественнонаучных данных может быть

11 *Филарет Московский, свт.* Толкование на книгу Бытия. М., 2004.

12 *Максим Исповедник, прп.* Вопросыответы к Фалассию: вопросы I–LV // Творения: кн. II. 1994.

13 *Мумриков О., прот.* Концепции современного естествознания. С. 36.

ограничена областью их инструментального приложения. ней различные естественнонаучные построения будут применяться в качестве «окладов», гармонично сочетающихся с самой иконой. В данном случае вполне уместно комплексное применение нескольких естественнонаучных моделей. Главное условие — их непротиворечие догматическим истинам, лежащим в основе богословия Шестоднева.

Решение задач богословско-философского характера строится вокруг категорий материи, пространства и времени. Здесь общим тезисом является неприменимость привычной интерпретации этих понятий (времени как исторического процесса, пространства как протяжённости, а материи как изменчивой и непостоянной субстанции) к условиям «шестодневной» реальности. Одним из ключевых понятий здесь является сформулированный в поздних работах прот. Сергия Булгакова¹⁴ и дополненный Т. А. Туровцевым¹⁵ и прот. Александром Салтыковым¹⁶ концепт «вне-временности» или первозданного, нетленного времени, которое не тождественно вечности, но до катастрофы грехопадения обладало принципиально иными по сравнению с временем нашего мира свойствами. В этой связи интересен также выдвинутый Т. А. Туровцевым концепт «продолжающегося творения» — чуда как вмешательства всемогущества Божия в тропосы законов постгреховного мира.

Ввиду недопустимости прямого естественнонаучного анализа Шестоднева, возможно использовать в качестве «поля» диалога между верой и знанием само богословское учение о Творении мира, а точнее — его философскую сторону, где затрагиваются важные для науки онтологические вопросы о причинах и смысле бытия мира, разумности его устройства, гносеологических принципах его познания и т. д., на которые эмпирический опыт дать ответа не в состоянии. Таким образом, проблема рецепции естественнонаучных данных переходит в философскую область. Там, где наука и богословие встречаются лицом к лицу перед Рубиконом онтологических вопросов, эта проблема становится вполне решаемой. Одним из способов такого решения может стать гипотеза о том, что материал, с которым имеет дело в своих исследованиях эмпирическая наука, является прямым следствием «развёртывания» времени в пост-греховном мире.

14 Булгаков С., прот. Невеста Агнца. 1945.

15 Туровцев Т. А. Творение и преобразование. 2008.

16 Салтыков А., прот., Серебряков Н. С. К проблеме времени первозданного творения: «кажущийся» возраст // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Вып. 19. 2016. С. 6–14.

Несмотря на то, что библейская и естественнонаучная космогонии имеют различную понятийную сферу, методологию, цели познавательного процесса, именно здесь вера призвана помочь научному знанию создать уже в своей области — области философии науки богословски обусловленную парадигму, где на основе принципа дополнительности возможно будет описать мировую действительность в приемлемых для христианской догматики и естественной науки категориях. Одновременно с этим, диалог остаётся возможен и в пространстве экологического сознания, где христианский опыт восприятия мира как сакрального пространства, где действует Бог, может помочь естествознанию в понимании подлинных причин экологического кризиса, а значит — найти оптимальные пути выхода из него.

Иконологическая экзегеза вполне может быть применима к толкованию других как ветхо-, так и новозаветных библейских фрагментов. Тем более, что принцип восприятия священного текста как иконы не является в православной традиции новаторством. Многие из святых отцов, известные нам как комментаторы Ветхого Завета, являются также и авторами гимнографических произведений, вошедших в богослужебный обиход Православной Церкви. В экзегетическом плане эти произведения представляют собой совершенно особое явление. Литургическая традиция видит священный текст многогранным. Так, например, книга Псалмов царя и пророка Давида является одновременно историческим, пророческим, и нравственно-эстетическим произведением. Применительно к Шестодневу, все эти аспекты понимания целостно и непротиворечиво выявляются в богослужебной традиции, а также в иконографии, где изображение Творения мира оказывается тесно связанным с иконографией Рождества Христова и Пятидесятницы. Этим чётко обозначается главный принцип богословия Творения — христовцентричность. Осмысление событий, описанных в Священном Писании, в литургической и иконографической традиции выводятся на принципиально иной уровень актуальности. Однажды произошедшие, они метаисторически переживаются Церковью в богослужебной реальности. Как икона есть окно в горний мир, также и священный текст, отражая в себе логосы описываемых событий, способен сквозь пространство и время духовным образом спроецировать их на нашу объективную действительность. Так, например, паремии из книги «Исход», которые читаются за богослужением Великой субботы, являются ветхозаветной «словесной иконой» Пасхи — Воскресения Христова и актуализируются на личном уровне как реально слышимое призвание Христа

к человеческой душе последовать за Ним в Землю Обетованную — открытое каждому Небесное Царство. Данный принцип лежит также в основе православной сакраментологии¹⁷. Таким образом, в литургической традиции Церкви священный текст рассматривается не просто с позиции иерархии смыслов, но облекается в «симфонию смыслов» — одновременное гармоничное созвучие различных методов его интерпретации. При этом главное значение усваивается именно богословскому наполнению библейского отрывка, которое, собственно, и делает его сакральным. К сожалению, феномен литургической экзегезы в работах современных авторов, за редким исключением, почти не рассматривается. Данное обстоятельство указывает направление для дальнейших изысканий в области исследования жанра «экзегетической гимнографии» с ракурса методологии библеистики, а также разработки вопроса об актуализации богословской герменевтики в литургическом пространстве.

Подводя итог, ещё раз отметим главное: лишь посредством осмысления священного текста в колее богословской герменевтики возможно полноценно раскрыть в нём то содержание, которое и составляет суть библейского Откровения. Поэтому, решающим звеном в истолковании Библии становится раскрытие той богословской структуры, которой обусловлен текст. В Библии нет небогословских текстов. Но часто выражение одной богословской идеи может занимать достаточно большое текстовое пространство (особенно это характерно для ветхозаветных книг). Чтобы подготовиться к богословскому экзегезису текста, необходимо, во-первых, осознать структуру науки о Библии в её совокупном единстве (исагогика — экзегетика — герменевтика); во-вторых, определить, насколько явно богословие выражено в содержании конкретного отрывка. Только затем возможно приложение к осмыслению философских или естественнонаучных построений. Таким образом, богословское осмысление есть правильный способ решения проблем, связанных с текстом Библии, и к тому же это обязательная ступень в экзегетическом процессе. Комплексная (общая) герменевтическая модель, в основе которой лежит древняя типологическая традиция, выраженная

17 В сакраментологической интерпретации данный принцип представляется в следующей формулировке: «Таинство совершается только единожды». Согласно ему, Евхаристия была совершена Господом только однажды — на Тайной Вечери в Сионской горнице, в Великий Четверток. На Литургии оно не повторяется, но, метаисторически совершаемое Христом, прорецируется сквозь время и пространство в современную действительность через действия иерея.

в восприятии священного текста как «словесной иконы», на наш взгляд, является тем самым методом толкования, который позволяет Библии свободно выражать своё содержание, удостоверяющее само себя.

Источники

- Библия. Современный русский перевод. М.: РБО, 2012.
- Максим Исповедник, *прп.* Вопросы к Фалассию: вопросы I — LV // Творения: кн. II. М. Мартис, 1994.
- Филарет Московский, *свт.* Толкование на книгу Бытия. М.: Русский Хронограф, 2004.

Литература

- Барбур И. Религия и наука: история и современность. М.: Библейско-Богословский институт св. ап. Андрея, 2001.
- Безобразов С. С. (*еп. Кассиан*). Евангелисты как историки // Православная мысль. Вып. 1. Париж, 1928. С. 7–30.
- Булгаков С., *прот.* Невеста Агнца. Париж: YMCA Press, 1945.
- Епифанович С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Троице-Сергиева Лавра, 2011.
- Макаров А. Б. Принцип дополнительности Н. Бора и проблема его статуса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2012. Вып. 12. С. 98–109.
- Мумриков О., *прот.* Концепции современного естествознания: христианско-апологетический аспект. Сергиев Посад, 2013.
- Мумриков О., *прот.* Проблема установления consensus patrum по вопросу о состоянии тварного мира до грехопадения человека. // Доклад на III Богословской научной конференции «Экзегетика и герменевтика Священного Писания», МДА, 29–30 ноября 2007 г.
- Мушич-Громыко В. Г. Дифференциация гуманитарным восприятием принципа дополнительности Н. Бора: проблема поверхностного прочтения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 33–41.
- Порус В. Н. Дополнительности принцип // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001.
- Салтыков А., *прот.*, Серебряков Н. С. К проблеме времени первозданного творения: «кажущийся» возраст // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. 2016. Вып. 19. С. 6–14.
- Симанов А. Л. Методологические принципы физики: общее и особенное. Новосибирск, 1992.
- Туровцев Т. А. Творение и преображение. СПб., 2008.
- Флоренский П., *свящ.* На Маковце. Т. 2. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики). М., 1990.
- Цыпин Л., *прот.* Вселенная, Космос, Жизнь — три Дня Творения. Киев: Пролог, 2008.